

Отвлечение

Пролог.....	5
1. Группа поддержки.....	7
2. Его Величество Ушастик.....	33
3. На мелкие кусочки.....	85
4. Лучшее, что со мной случилось.....	126
5. Выставка.....	173

Пролог

«Дорогой дневник.. Я должна рассказать тебе кое-что важное...»

С этих слов начинаются все самые секретные секреты, все самые головокружительные приключения. Но Ася знала, что ее история — совсем не головокружительная. Скорее, сердце-разбивательная. А может, и вовсе посредственная и скучная, как она сама.

Ася ничего еще не писала в своем скетчбуке, только делала зарисовки. Но сейчас потребность выразить все словами была слишком сильной.

«Кажется, я больше никогда не смогу дружить с Машей».

Она со вздохом отложила черную гелевую ручку, встала и подошла к окну. В небе наконец-то светило солнце, вторая половина сентября обещала быть теплой. Еще несколько недель в школе — и снова каникулы, и будет передышка.

Ася вернулась к столу и раскрытому скетч-буку. Взяла ручку и покрутила ее в пальцах. На указательном — запекшаяся кровь, на безымянном — пластырь.

Она попробовала поискать нужные слова, но они всё не шли на ум, поэтому через некоторое время на листе стали появляться крошечные черно-белые картинки. Деревья, заборчик, поле, лошадка в углу... и девочка, растерянно сидящая на земле. Что это? Слезы на щеках или растрепанные волосы? Картинка такая маленькая — не понять. И сама Ася тогда была такая маленькая, что ей было не понять, рухнул ее мир совсем или просто перевернулся с ног на голову.

Груйша и поддержки

Все началось на третьей неделе августа, во вторник, когда мы с Машей — моей лучшей (и единственной) подружкой — должны были вместе пойти в школу на собрание. Учительница решила отрепетировать с нами стихи, которые мы будем читать на линейке. А заодно и выдать учебники для седьмого класса. Конечно, таким образом лето принудительно закончилось дней на десять раньше. Но стихи важнее лета, не правда ли?

И вот утром, перед самым выходом из дома, я получила сообщение от Маши: «Приду в школу позже, не жди». Это сразу же выбило

почву у меня из-под ног — или как там говорят? — подрезало крылья. Ведь идти туда в одиночестве — то еще испытание.

На репетицию явились не все, и слава богу — не случился полный хаос, который, как говорила учительница, был визитной карточкой нашего класса. Кто-то еще не вернулся из отпусков или с дач, кто-то наверняка притворился, что не вернулся. Пришли самые ответственные, которым больше делать было нечего. И те — с подрезанными крыльями. А Маша.. Она влетела в класс только через полчаса после начала репетиции, сияющая, как медный поднос в бабушкиной гостиной. Привычным жестом откинув за спину длинный хвост, шепотом сообщила мне, что она теперь звезда. И не какая-нибудь звезда, а конного спорта.

Я даже не поняла, а точнее, не восприняла это всерьез. Слишком хорошо знала Машу. Она всегда была большой любительницей повыдумывать и — что уж тут скрывать — повыпендриваться. Вот только оказалось, что на сей раз подруга ни капельки не выдумала. Оказалось, Машин папа согласился возить ее в школу верховой езды, так

как за городом, буквально в двадцати минутах от нас, открыли новенькую конюшню.

Я об этой конюшне ничего не слышала. Как и о том, что Маша питает страсть к конному спорту. Не помню, чтобы раньше она интересовалась лошадьми.

Да и сейчас ее как будто больше интересовали наряды, которые понадобятся для занятий.

После репетиции мы сидели на лавочке у школы — я задумчиво жевала желтое яблоко сорта «медовый бочок», а Маша листала картинки на «Пинтересте».

В перерывах между укусами я крутила яблоко в руках, гадая, какой ракурс выигрышнее для натюрморта, а в голове тем временем звучал голос преподавательницы по художественному мастерству: «Не забудьте про свет! И тень!»

— ... и сапоги для верховой езды! — весело прошептала Маша справа от меня.

— А? — нахмурилась я.

— Эй, Пучкова! Че опаздываешь? — послышался сзади насмешливый голос.

— А тебе-то, Вань, какое дело? — Маша медленно обернулась и из-под полуопущенных

ресниц кокетливо посмотрела на нашего одноклассника. Я не очень понимала, как можно кокетничать с тем, кто еще год назад грыз ногти и ковырялся в ушах на виду у всего класса. За лето Ваня вырос, превратившись... ну, впрочем, он превратился в долговязую версию самого себя. Кроме роста, вроде бы ничего и не поменялось. По крайней мере, улыбка осталась та же, наглая и самоуверенная. С ним рядом стоял его лучший друг Егор, теребя отросшую челку — это я могла сказать не глядя. Он всегда оказывался рядом с Ваней и всегда ерошил челку. Эти двое были... как там? Не разлей вода, не разрежь пила. Не разбей кокос.

— Мы тут за тебя отдувались, между прочим, так что рассказывай, — потребовал Ваня.

— Расскажу когда-нибудь! Если будешь хорошо себя вести!

— Ну вот, так и знал, что никогда! — захохотал тот.

От этого громкого смеха я невольно вздрогнула всем телом, спровоцировав еще один приступ хохота у одноклассника.

Мы с Машей довольно долго шли до моего дома: она как будто намеренно плелась еле-еле, чтобы успеть обсудить со мной все подробности своей будущей звездной жизни. А звездой она на полном серьезе собиралась стать. Не то чтобы я в ней сомневалась — как раз напротив, вот только устала сильно и хотела поскорее остаться одна. Маша проводила меня до самого подъезда и, даже когда я, попрощавшись, зашла внутрь, крикнула мне вслед что-то про соревнования и медали.

— Уф-ф... — выдохнула я, нажав кнопку лифта. Он торчал на минус первом, как и мое настроение.

* * *

Днем я была сама не своя. Мама бы сказала — как в воду опущенная. Именно это, впрочем, она и сказала.

Я сидела напротив нее за обеденным столом, болтая ложкой в тарелке с остывшим супом.

— Асенька? Все в порядке? — Мама обеспокоенно потрогала мой лоб.

— Да.. — протянула я. — Я не заболела, мам.

— А почему ты совсем не ешь? Что-то случилось?

— Нет, мам. Просто не хочу. Устала от этой... репетиции. И от Машиных рассказов.. Зачем вообще человеку нужны соревнования и медали?

Мама бросила на меня растерянный взгляд.

— Ну, кому-то нужны. Есть очень амбициозные люди. Им надо быть во всем первыми. А что там у Маши?

В двух словах рассказав маме о Машином желании стать звездой, но не упомянув про конюшню, я со вздохом встала из-за стола.

— Ладно, мам, я потом поем.

— Хорошо, милая. Разогрею, когда скажешь. Иди отдохни.

Мама кинула на меня еще один взгляд, на сей раз встревоженный, с этим я и поплелась в свою комнату, по пути вытащив из рюкзака телефон, чтобы поставить на зарядку.

На экране высветилось сообщение:

«У тебя все нормик? Ты какая-то странная».

«Ага. Чувствую себя не очень. И лето заканчивается», — написала я в ответ и, положив телефон на тумбочку, растянулась на кровати. В животе расплзлось непонятное чувство — не то обида, не то тошнота, — и все, абсолютно все страшно бесило.

А еще всякие дурацкие мысли настырно лезли в голову. Школа почему-то пугала и нервировала меня, совсем как в детстве — когда я только-только пошла в первый класс. Я тогда плакала по утрам — не хотела вставать и идти в это страшное место, к этой строгой учительнице и вредным одноклассникам. Во втором классе я уже обожала учительницу и дружила со многими из ребят. Но первый класс был настоящим кошмаром. Вот и теперь я чувствовала не предвкушение, а нечто среднее между тревогой и отчаянием. По литературе зададут написать сочинение «Как я провел лето» — а это просто ужасный кринж, плечи снова будут ныть от тяжелого рюкзака, одноклассники шушукаться о чем-то своем, а погода начнет портиться, портиться, пока не испортится совсем.

Лето, к слову, я провела вообще не так, как мне хотелось. Все знакомые разъехались кто куда, а я толком нигде и не побывала. В июне тусовалась в лагере при художественной школе. Мы таскались по музеям, рисовали с натуры и слушали лекции об искусстве. В июле — по случаю моего тринадцатилетия — мы с родителями ненадолго сгоняли в пансионат, где не было ни озера, ни реки, только лес, ржавые велосипеды и батут, а еще площадка для всех видов игр с мячом. Причем мяч-то и правда был один-единственный. А в августе маму завалили работой, и мы сидели в городе. По маминим словам, я была «уже достаточно взрослая, чтобы понять», и да, я все понимала. Как минимум успешно делала вид, что не обижаюсь. Наконец, в середине месяца в город вернулась Маша, и мне пришлось с утра до вечера слушать ее восторженные рассказы о море. Но хотя бы стало не так скучно.

Мы с Машей были совершенно разные. Она — высокая, с длинными худыми ногами, блестящими темными волосами, изящными пальцами, идеальными от природы ногтями

ГРУППА ПОДДЕРЖКИ

и вечно вздернутым подбородком. Смелая, уверенная в себе.

Я — не низкая и не высокая, а просто средняя. Ноги у меня обычные. Волосы русые. Веснушки на носу и щеках. А еще у меня совсем не изящные руки, а когда я нервничаю, то забываюсь и обкусываю пальцы до крови.

Если бы люди были сортами яблок, то Маша была бы «фуджи». Яркая, привлекающая внимание, вызывающая привыкание. Она умела давать отпор, а когда нужно — строить глазки. Легко бралась за все новое, не боясь пробовать и ошибаться. Переключалась с курсов по программированию на пинг-понг, и родители почти всегда поддерживали ее увлечения. Чем верховая езда отличается от большого тенниса или велосипедных прогулок? Принципиально? Ничем. Хотя, возможно, стоимостью занятий.

Я инстинктивно схватилась за телефон — посмотреть, сколько стоят занятия верховой ездой. Забыла совсем, что еще весной родители заблокировали мне доступ в интернет. Теперь он выдавался дозированно и по запросу, пред-

почтительно на маминем ноутбуке. В телефоне я могла открыть только чаты и школьное приложение. Все потому, что окулист, который проверял мне зрение перед каникулами, нашел у меня какой-то спазм и в подробностях рассказал маме про вред маленьких экранчиков. «Я всю жизнь плохо вижу, тебе такого не пожелаю», — заявила она. А мой довод, что в ее детстве вообще смартфонов не было и, значит, зрение у нее не от этого испортилось, она, конечно же, проигнорировала. В общем, хочешь что-нибудь интересное погуглить — надо идти за мамин комп...

— А-а-а-а-агр-р-р-рх, — зарычала я и хлопнула телефоном об тумбочку. Ну и ладно, не настолько уж интересно.

— Все в порядке? — слышался мамин голос из кухни.

— Да! — крикнула я. Телефон-то в чехле, что с ним будет.

Странное тошнотворное чувство поднялось из живота чуть повыше и уютно расположилось в центре груди. Я точно знала, что никакая это не зависть. Маша — другая, как ей можно зави-

довать? Да и не хотела я так, как у нее. К чему мне бесконечные репетиторы, модные занятия, тусовки, тиктоки и хихиканья за задней партой? Ни к чему. Тогда откуда этот противный ком в горле и почему он не проходит?

Телефон зажужжал.

«Значит, гулять не пойдешь?»

«У тебя же английский».

Маша единственная начала заниматься с репетиторами в августе — я была почти уверена, больше никто на такое не согласился. У меня вот вообще не было репетиторов, я и без них училась на пятерки. А на что-то большее, чем школьная программа, пока не замахивалась. Мама, правда, уже задавала мне вопросы — кем бы я хотела стать, что бы хотела изучать, какие предметы мне желательно подтянуть и все такое, но идей у меня было ноль.

«Сегодня М. И. отменила — у нее собака заболела».

«Ладно».

«В пять у твоего подъезда».

«Ок, сейчас маму спрошу».

Благодаря собаке М. И. я встала с кровати.

* * *

— Не дальше Машиного дома, — сказала мама как обычно, прежде накормив меня повторно разогретым супом.

— Угу, — закатила я глаза, как всегда.

— Подросток, — невозмутимо прокомментировала мама, пожав плечами.

До Машиного дома можно было дойти за десять минут через дворы. Дороги переходить не надо, людей полно, бультерьеров и ротвейлеров нет. Этим более или менее безопасным маршрутом мы и гуляли. Иногда я сама приходила к ней во двор, чаще она поджидала меня у подъезда со словами: «Копуша! Я бы уже три раза район обошла, пока ты собираешься». Раньше к нам иногда присоединялись Рита или Майка, которые жили в соседних домах. Но последнее время они от нас отделились — предпочитали тусить вдвоем. Я нередко вспоминала с тоской, как мы раньше гуляли во дворе большой компанией. Все изменилось еще весной — все разбилось по парочкам, ну максимум по трое.

